

к себе и близким. Поэтому так придирчив и строг он к своим детям и ученикам. И если у автора сложные взаимоотношения Беркутова с детьми, его одиночество объясняется трудным, неуживчивым характером, то ворчливый, но бесконечно обаятельный, остроумный, тонкий Беркутов — Плятт одинок в семье по причине своей беспощадной требовательности к себе и к детям. Дети не выдерживают его высокой мерки... А вот к простым людям — старой няне Вассе, шоферу Софье, Маняше, Ермакову — профессор относится тепло, ласково, с юмором.

Вопреки традиционному толкованию образа ученого, актер никак не подчеркивает его рассеянность, чудаковатость, скорее наоборот — показывает его внутреннюю собранность.

Освобождая характер Беркутова от излишней старческой ворчливости, эксцентричности, зависти к сыну (в пьесе этот момент усугублялся тем, что сын избран академиком, а то время как отец остался профессором), Плятт делает своего героя поистине выдающимся человеком. Этот человек совершает ошибки и дорого расплачивается за них. Не лишенный человеческих недостатков, он становится положительным героем спектакля, завоевывая право на это жестокой борьбой с самим собой.

Е. Уварова

«Гроза над Усть-Куломом»

Усть-Кулом — маленькая точка на карте страны, скромный районный центр республики Коми. Летом, пока не спала вода, можно добраться сюда на пароходике вверх по Вычегде, зимой самый верный способ попасть в Усть-Кулом — самолет.

Еще полгода назад название первой национальной оперы коми мало что могло сказать читателю. Но теперь решена судьба Печоры и Вычегды. По воле советских людей они повернут свои воды на юг, и недалеко от столицы республики Сыктывкар будет сооружена грандиозная Усть-Куломская плотина. Старинное село очутится на берегу нового — Вычегдского моря.

В истории народа коми Усть-Кулом хорошо известен. Ровно 120 лет назад тамошние крестьяне подняли восстание против притеснителей, изгнали представителей царских властей и два года жили дружной общиной, пока не пришло сюда войско карателей и не учинило жестокую расправу над «бунтовщиками». Эти события прошлого воскрешает опера Г. Дехтярова.

Погас свет в зале, и в оркестре возникла чуть тревожная тема пролога: в метельную ночь стражники ведут по таежной тропе группу каторжан, и вот

срывается и бежит закованный в кандалы ссыльный, солдат-декабрист Дмитрий Балин...

Для Г. Дехтярова, руководителя Коми ансамбля песни и пляски, ранее не пробовавшего свои силы в крупных музыкальных формах, работа над оперой была поистине «ездой в неизвестное». И, как это часто бывает, дерзание принесло успех. Музыкальная драматургия оперы оказалась мелодичной и богатой. Остро и конфликтно столкнулись в ней разнохарактерные темы, связанные полифонически. Особенно удались хоровые партии, построенные на песенном фольклоре коми народа. Сильно, выразительно прочерчены линии таких героев оперы, как Гаврила Попов и Дмитрий Балин — вожаков крестьянского мятежа. А главное — в музыкальном материале видна (точнее, слышна) самостоятельность композитора; пожалуй, только в распевном ариозо молодого охотника Филиппа послышались неожиданные отзвуки гречаниновского «Расцветали в поле цветики», да в неотступном нарастающем маршеобразного финала пятой картины — близящаяся поступь отряда царских солдат — явная «цитация» Седьмой симфонии Шостаковича...

Постановщик оперы И. Орловский счастливо обошелся без ложномонументальной помпезности, которая так соблазняет режиссеров, выводящих восставший народ на оперную сцену. Ведь речь идет, кстати, о событиях, происходивших в небольшом селе, и оперная приподнятость противоречила бы правде. В спектакле нет эффектных «массовок», герои не возвышаются над «толпой», и это не препятствует героическому звучанию оперы.

Великолепно удалась постановщику наиболее богатая сюжетно и в музыкальном отношении четвертая картина. Здесь все нити стянуты к неизбежному столкновению крестьян с Мамонтовым, чиновником из губернии Пузыревским и их присными. Красива ария Гаврилы Попова «Смотрите все, какой теперь я стал» с ответными всплесками оркестра и «вскипываниями» хора; лиричен дуэт Агафьи и Филиппа; найдены точные гротесковые тона в отношениях Пузыревского и Мамонтова; зло обрисованы хмельные дружки поп Зосима и поп Онисим; органичен «факельный» финал — народ сжигает дом Мамонтова. Но вот здесь-то и обнаруживается композиционный просчет в спектакле. Ведь либретто С. Ермолина, Б. Семячкова и В. Таранова повелевало следовать сюжетному плану. Народ восстал, народ победил. Кульминация пройдена — люди встают с мест, опера музыкально и зрелищно завершена. А оказывается, что еще не все.

И вот — пятая картина. Прошло два года. (Надо же «досказать» ход событий!) Празднуется свадьба Агафьи Поповой и Филиппа. Что ж, говорят нам, авторы хотели «отразить» ликование освобожденного народа.

Даже жених и невеста потерялись в пестро-нарядном хороводе веселящихся пейзаж. Кадриль, перепляс, возможно, этнографически «похожие», но вне времени и пространства. Дело не в том, что композитор осовременил народный танец, беда в другом — балетный дивертисмент никак не вяжется со сквозным действием спектакля, которое сбивается в сторону.

Дальше — хуже. Известие о том, что близятся солдаты. Что делать плясунам и танцорам? Врываются на сцену Мамонтов, и повстанцы без сопротивления должны сдать на милость победителей. Здесь прямое отступление от исторических фактов,

Сыктывкар. Музыкально-драматический театр. «Гроза над Усть-Куломом». Мамонтов — В. Дейнека

и поэтому страдает художественная логика оперы. Финал — повторение на новом уровне пролога: таежная дорога, кандаляный звон, всполохи багрового света («Зарница» — подзаголовок оперы).

Авторы спектакля не убедили зрителя, что он не зря отсидел лишние полчаса; для него опера эмоционально кончилась раньше.

И еще одна серьезная претензия. Почерк И. Орловского — «без нажима»; тем более не совсем понятно, почему в грубовато-фарсовом духе решена им картина бала у вологодского генерал-губернатора. Отлична музыка мазурки и вальса, но как неубедительна нелепо и безакусно одета провинциальная знать! Приглашенные на бал ахают, охают, кривляются, жеманничают, выкидывают коленца. Ни к чему все эти «приемы». А то, что постановщик знает цену выразительной, подлинно гротескной детали, можно увидеть и здесь. Разъяренный плохими вестями из Усть-Кулома, губернатор отшвыривает поднесенный ему на подносе кубок и вдруг замечает, что кубок попал в портрет его императорского величества. Потрясенный невольным своим кощунством, чуть подобострастно изогнувшись, са-

новник (чего доброго, лакей донесет!) почтительно застывает перед ликом самодержца...

В спектакле есть настоящие актерские удачи. Борис Дейнека, в прошлом известный камерный певец, прекрасно себя чувствует в образе Мамонтова; налицо полная слиянность вокального и сценического мастерства. Обладатель приятного баритона С. Марков очень естествен в роли Гаврилы Попова; убедителен и совсем молодой А. Скрипкин в ответственной партии Дмитрия Балина. Воспитанник Казанской консерватории С. Горон подкупающе лиричен в роли Филиппа, отличные вокальные данные сочетаются у него с четким рисунком образа. Несколько хуже обстоит дело с женскими партиями.

Работа художника А. Евдокимова, талантливая в эскизах, многое утратила на сцене. Лучшее, что сохранилось в спектакле, — пролог: гнущееся и выпрямляющееся на ветру дерево, занесенный снегом, покосившийся крест и лес — образ приволья, прибежище свободы.

Балетмейстер театра Г. Ваховский раскрылся в спектакле полностью. Но результаты явно не соответствуют усилиям. Никак нельзя винить в этом постановщика танцев. Что можно сделать с группой в 12 человек — это солисты и кордебалет!

Да что там балетная группа! В составе хора 19 человек, и еще 5—6 приглашенных «разовиков». Как же не посочувствовать коллективу, когда за 8 минут (половину «берет на себя» дирижер В. Шестопалов) актеры должны успеть переоблачиться из «дворян» в «крестьян»...

Опера «Гроза над Усть-Куломом» уже получила признание в Коми АССР. Почин театра заслуживает самой горячей поддержки. Правда, можно высказать пожелание, чтобы опера, национальная по своему содержанию, по своему музыкальному строю, пелась бы на языке коми.

В. Гальперин

«Эхо Брянского леса»

Драма С. Шарова «Эхо Брянского леса» — что называется, «местная» пьеса.

Совершенно естественно, что театры разных городов до сих пор показывают спектакли о незабываемой Великой Отечественной войне, предпочитая рассказывать именно о тех событиях и тех людях, которые на памяти у жителей данной местности, города, области.

Если при этом раскрываются сложные человеческие характеры, извлекаются психологические уроки для настоящего и будущего, пьеса перестает быть местной.

Драма С. Шарова не претендует на это. Она последовательно пересказывает драматическую эпо-